

Ю. Ткаченко

Пирожки

Рассказы

16+

Юлия Ткаченко

Пирожки. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40526137

SelfPub; 2019

Аннотация

В данном сборнике представлены три короткие зарисовки на тему бытовых ситуаций в нашей или иной реальности. Местами, возможно, немного жестокие, но такова уж жизнь. "Старым быть зазорно" – история о том, к каким печальным последствиям могут привести пробелы в воспитании детей. "Пирожки" – одна из тех самых городских легенд, которыми родители пугают непослушных мальчиков. И наконец "Мимоза" – рассказ о том, как круто может измениться жизнь аутсайдера всего за один день.

Содержание

Старым быть зазорно	4
Пирожки	15
Мимоза	21

Старым быть зазорно

– Добрый день! Скорую вызывали?

– Да, конечно, проходите. Больная в комнате.

Врач скорой помощи Марина Федоровна взглянула на открывшую дверь женщину лет тридцати. Одутловатое лицо, тусклые волосы, лишней вес. «Ей бы не помешало проверить почки» – подумала врач с профессиональной точки зрения. Проследовав в квартиру вслед за женщиной, врач краем глаза заметила в гостиной представительного мужчину в футболке и трениках. Мужчина был увлечен футбольным матчем и не обратил на вошедших никакого внимания. В глубине квартиры обнаружилась небольшая облупленная дверь. Приоткрыв данную дверь, врач почувствовала неприятный запах.

Воздух в комнате был спертый и затхлым. Единственное окно плотно задернуто темными шторами. У стены стоял сложенный диван, на котором лежала худая пожилая женщина, небрежно прикрытая шерстяным одеялом. В ее ногах лежал рыжий кот. Бабушка не подавала признаков жизни.

– И давно она такая? – спросила Марина Федоровна.

– Да нет же, вчера мамуля еще ходила, резво бегала по дому, а с утра как упала – так и лежит.

Марина Федоровна производит предварительный осмотр больной. Отмечает выраженную атрофию голеней и бедер,

язвы на стопе, большие пролежни на ягодицах и трещины кожи под молочными железами, густо поросшие грибок и смрадно воняющие.

– Скажите честно, как давно она в таком состоянии?

– Что же это за вопросы такие? Вы что, моим словам не верите? Еще раз повторяю, что вчера все было хорошо, а утром она упала. Инсульт, наверное. Мы ей котика оставили, чтобы он ее полечил. Она его любила очень. Скажите доктор, что с ней? Она выживет? – женщина смахнула скупую слезу.

– Уточните, ваша мать в последнее время каких-нибудь врачей посещала?

– Да, пару месяцев назад к эндокринологу ходили, диабет у нее. Но он ей не назначал ничего, мы ей сами раз в день таблеточку манинила трех с половиной миллиграммовую давали. Фрукты маме давали, овощи. Кашку по утрам кушала. Не знаю, с чего вдруг такая напасть.

Безутешная дочь глубоко вздохнула и закусила губу. Врач сняла резиновые перчатки и взглянула ей в лицо. Рот женщины покривился от безмолвного плача, губы дрожали, хотя глаза ее оставались спокойными.

– У вашей мамы осложнения на фоне сахарного диабета. У нее гангрена началась. Ей необходимо срочно лечь в больницу. Сообщите, пожалуйста, Ф.И.О. больной и ее возраст.

– Иванова Валентина Аркадьевна, 79 лет. Я сейчас её вещи соберу.

Женщина покинула комнату и начала шуршать в коридо-

ре пакетами, собирая вещи. Тем временем, бабушка приоткрыла глаза и, увидев доктора, схватила ее за край халата. Она попыталась что-то сказать, но у нее не получалось. Марина Федоровна сжала руку пожилой женщины и сказала: «Всё будет хорошо, не волнуйтесь, скоро поедem лечиться». Голос врача дрогнул. За 15 лет врачебной практики она многое повидала. Были и наркоманы с гниющими конечностями, и мужики с белой горячкой, норовящие подбить глаз чертям в белых халатах, явившихся по их душу. Были преждевременные роды, были неудавшиеся суицидники. Всевозможные избиения, ранения, инциденты и болезни. Всего и не перечеислишь. Но больше всего врач скорой помощи Марина Федоровна Зайцева боялась именно таких случаев. Покинутых, никому не нужных стариков. Еще вчера резво бегающих, а сегодня лежащих в постелях с пролежнями, которые не смогли бы образоваться за один день. Марине Федоровне было очень страшно наблюдать распад человеческой личности, которого было можно легко избежать при должном уходе за больным, оказанном внимании и банальном человеческом участии. Родственники таких больных, как правило, напоминали стаю шакалов, притворно вздыхающих и сокрушающих, но при этом готовых отправить пожилого родственника на тот свет из-за лишнего квадратного метра, из-за старинного сервиза или наследства. Марина презирала таких людей. Какими бы личностными качествами не обладали эти старики, они не заслужили такого отношения. Врач

позвонила на скорую, и два крепких санитаров с носилками уже стучали в двери.

Женщина вошла в комнату матери, держа в руках большой пакет, набитый вещами.

– Вот, я ей вещи собрала. Халатик, тапочки, белье чистое. Вы уж, доктор, позаботьтесь там о ней.

– Позаботимся, в этом не сомневайтесь. Витя! Максим! Кладите бабушку на носилки и несите в скорую.

Когда дверь за врачами закрылась, женщина, которую звали Ольга, сказала своему мужу Дмитрию:

– Ну, увезли ее наконец-то. Не будет теперь этой вони.

* * *

Валентина Аркадьевна проснулась от звука чьих-то голов. Она открыла глаза, и ее охватило радостное волнение. Молодой женский голос весело произнес:

– А вот и наша мамулечка! А мы тебе фруктов принесли! «Оля моя пришла! Хорошо-то как! Беспокойся за меня, доченька», – подумалось Валентине Аркадьевне. Но спустя несколько секунд пришло тяжелое осознание: пришла не ее Оля, а дочка ее соседки по палате Раисы Захаровны. Она привела с собой и маленького внука, симпатичного светловолосого мальчика, лет шести. И сейчас все семейство расположилось в ногах Раисы Захаровны и мило общалось.

Валентина Аркадьевна две недели пролежала в реанима-

ции, после этого ее перевели в общую палату. В палате было пять мест, но на данный момент заняты были только два из них: самой Валентиной и ее соседкой Раисой. Пораженную гангреной стопу, к сожалению, пришлось ампутировать. За всё это время ее дочь Ольга так и не навестила мать.

В больнице Валентине Аркадьевне стало немного лучше. Постепенно вернулась некоторая ясность мыслей. Регулярные медицинские процедуры сделали свое дело. Она нашла общий язык с соседкой по палате, и пожилые женщины часто болтали на разные темы. Но, тем не менее, ей не хватало дочери.

– Что я сделала не так? Чем заслужила такое отношение? Я же ни в чем ей не отказывала! – сокрушалась женщина.

– Так, наверное, наоборот, нужно было построже с ней в свое время – отвечала соседка – я вот свою дочь в умеренности воспитывала. Никогда не била ее, но и на шею садиться не позволяла. Мы с ней всегда как подруги были.

Дочь Раисы Захаровны навещала мать несколько раз в неделю. Она всегда приходила с гостинцами и угощала ее соседку. Чаще всего она приходила одна, но иногда с ней были муж или сынишка. Обычно она проводила у матери много времени, но сегодня ее визит был коротким, так как пожилой женщине назначили дополнительные процедуры и сегодня ей требовался отдых.

Как только гости покинули палату, Раиса обратила внимание, что Валентина чем-то опечалена.

– Валентина, не расстраивайтесь так. Давайте я медсестру попрошу, чтобы она Вам сбор успокоительный заварила. Очень хорошее средство. Я уверена, что у Вашей дочери откроются глаза после того, когда она все-таки поймет до какого состояния Вас довела. Вы объяснитесь друг с другом и все наладится.

– Как бы я хотела такую же семью как у Вас! Я так мечтаю о внуках. Таком же хорошем мальчике, или милой девочке. Я бы столько могла их научить, столько рассказать! Я знаю столько много сказок. Оля в детстве так любила слушать мои сказки! Но, по всей видимости, не дожидаться мне внуков. Оля и Дима даже слушать не хотят о них. Говорят, что нам всем слишком тесно будет...

– Не говорите ерунды! – возмутилась Раиса Захаровна – всё у вас наладится. Будете жить все вместе – и Оля, и Дима, и внуки, и Вы.

– Да хорошо бы...

Вошедший врач прервал ход их беседы.

– Валентина Аркадьевна, мы изучили Вашу карту и пришли к выводу, что Вам следует готовиться к выписке. Вы довольны? Завтра уже дома будете ночевать.

– Отлично, – ответила Раиса Захаровна вместо Валентины – как раз с дочерью поговорите. Чем скорее, тем лучше. А там уже и о внуках думать будете.

В день выписки Ольга появилась на пороге больницы. Женщина зябко куталась в пуховик и недоумевала, зачем притащилась сюда в такую рань. Лишний час сна ей бы совсем не помешал. Но доктор попросил ее прийти утром, к часу выписки. Кому какая разница? Часом раньше, часом позже.

Она зашла в кабинет врача. Это был худоватый мужчина неопределенного возраста, на лице поблескивали квадратные очки, придававшие ему ученый вид. Он вносил какие-то записи в клеенчатую тетрадь и, увидев Ольгу, жестом пригласил ее сесть на тахту.

– Что-то вы совсем про мать забыли. Она вас ждала, в окошко выглядывала, но вы так и не появились.

– Понимаете, доктор, работаю я. День и ночь работаю. Кручусь, как белка в колесе. Надо же кому-то маме на лекарства деньги зарабатывать. Вот и приходится чем-то жертвовать.

– Понимаете ли, Ольга, возможно, если бы вы уделяли Валентине Аркадьевне время, вам бы и не пришлось работать на лекарства день и ночь.

– Доктор, вот только не надо морали мне здесь читать. Где там надо подписать, чтобы уехать отсюда?

Доктор вздохнул и, нахмутив брови, протянул женщине

документы.

– Понимаете, в следующий раз скорая может и не успеть.

– Я приму это во внимание, доктор.

* * *

– Собирайтесь, Валентина Аркадьевна. За вами дочь приехала.

Пожилая женщина открыла глаза и увидела в дверях палаты хмурую Ольгу и своего лечащего врача. Раиса Захаровна уже проснулась и, увидев Ольгу, улыбнулась ей:

– Доброе утро, Оля! Хорошо, что вы приехали. Я о вас много слышала. Надеюсь, теперь вы с мамой помиритесь. За ней теперь глаз да глаз нужен.

– Не лезьте не в свои дела. Без вас все знаем, – буркнула Ольга, насупившись.

Раиса Захаровна вскинула брови. Она не ожидала, что эта молодая особа такая хамка.

– Доктор! Да вы посмотрите, Валентина Аркадьевна еще слишком слаба для выписки! Посмотрите, как у нее руки трясутся.

– Раиса Захаровна, я думаю, мне лучше знать, подходит ли больная для выписки или нет. Врач из нас двоих я.

Раиса закрыла глаза и покачала головой. «Простите, я сделала все, что могла», – подумалось ей. Слезы обиды и жалости застелили ей глаза. Женщина поняла, что для Валенти-

ны нет надежды на хороший исход.

Два бравых санитаров прикатали коляску и посадили на нее Валентину Аркадьевну. Было заметно, что она впала в некое подобие транса. Ее руки тряслись, а лицо приняло бессмысленное выражение.

– Хорошо, дальше я сама справлюсь, – сказала Ольга и укатила коляску с матерью прочь.

* * *

Коляска тяжело катилась по коридору, производя глухой стук на бугристом больничном линолеуме. На стенах горели тусклые лампы. Всюду сновали санитарки, готовя больницу к новому дню. Начинали подходить пациенты. Позевывая и переругиваясь, вставали они в очереди у кабинетов.

– Ну что, вдоволь натрепалась? Теперь всякие старые клуши будут меня жизни учить. Оно надо мне? Оно мне не надо.

– Оля, ну зачем ты со мной так? – пролепетала старушка.

– Не мы такие, жизнь заставляет. Ты меня в детстве любовью своей душила, кутала меня, шагу ступить не давала. Теперь сделай еще одно доброе дело. Сдохни. Не нужна ты мне.

Валентина Аркадьевна начала тихонько скулить, не решаясь завывать в полный голос.

– Ну что ты скулишь, как собака? – продолжала Ольга – сама же говорила, что внуков хочешь. Больше всего на све-

те хочешь. Чтобы внуки были, нужно жилплощадь освободить. Молодым везде у нас дорога. Господи, как же замучилась я с тобой. Ты даже подтереться сама уже не в состоянии.

– Оленька, милая, да я на внуков только одним взглядом взгляну и умру сразу, обещаю, только не убивай меня, Оленька!

– Доживешь до внуков – хорошо, не доживешь – мне все равно. Но могу тебе гарантировать, что в следующий раз за тобой приедет уже не скорая, а труповозка.

Люди, ожидающие приема врача, не обращали никакого внимания на пухлую молодую женщину, катившую на инвалидной коляске бледную растрепанную старуху. Такое здесь происходит сплошь и рядом. Если бы в этот момент их увидела врач скорой помощи Марина Федоровна, то она бы не узнала Валентину Аркадьевну. Выглядевшая очень плачевно на момент визита скорой помощи пожилая женщина, сейчас казалась постаревшей еще лет на десять. Жизнь медленно покидала ее тело.

* * *

Над городом вставало солнце. Люди спешили по своим делам, не обращая внимания ни на что вокруг. А в палате местной больницы горько плакала старая женщина. И ее не могли утешить ни дочь, ни маленький внук. Женщина знала, что в мире стало больше людей, лишенных всякой надежды. На

одного, но больше.

Пирожки

Солнечный лучик робко скользнул сквозь плохо задернутые шторы и погладил по щеке ребенка, спавшего в маленькой комнатке. Мальчик открыл глаза и потянулся навстречу солнцу. Он точно знал, что сегодняшней день будет замечательным.

Во-первых, сегодня была суббота. Это означало, что не надо идти в школу и терпеть скучные уроки. Его классной руководительнице были не по душе слишком активные дети, и без записи в школьном дневнике не обходилось ни дня.

Во-вторых, впереди было воскресенье. А это значило, что впереди было целых два дня для того, чтобы вдоволь наиграться в компьютерные игры и набегаться по улице. Кроме того, на полке ждала недочитанная книга.

И, наконец, самым важным моментом было то, что мама обещала сводить мальчика в парк! Погода последние пару дней была просто великолепная. Стоял апрель, пахло талым снегом и теплой землей. Светило солнце, пока еще ласковое, а не кусачее как летом. Детям ничего не оставалось, как пропадать на улице целыми днями, забросив учебу, дела и электронные игры. И парк был главным оплотом детских игр.

Мальчик вскочил с постели и побежал в комнату к матери. В комнате витал запах сна, аромат чистого белья и согретого тела. Мать лежала на кровати, по-детски положив руку

под щеку. Ее дыхание было ровным. Она не подозревала, что ровно через минуту ее встряхнут таким грубым образом.

– Мам, вставай, вставай! Уже утро! – мальчик подбежал к окну и распахнул шторы.

– Вова, ну что ты вскочил в такую рань! – мать потеряла глаза рукой – еще спать и спать! Не лезь ко мне, дай полежать еще полчаса. Иди пока мультики посмотри, если спать не хочешь.

Мальчик убежал в комнату и через пару минут раздался звук включенного телевизора. Заиграла мелодия, предвещающая начало мультфильма.

Мать прикрыла глаза, но сон никак не шел. Она поворочалась с боку набок и поднялась, раздосадованная.

В конце концов, спустя пару часов, после того, как все приготовления были завершены, завтрак был съеден и постели убраны, Вова и его мама отправились в парк.

В парке было немногочисленно, так как было еще слишком рано. Пожилая женщина в плюшевом спортивном костюме выгуливала серого пуделя, да пара молоденьких девушек разминалась перед пробежкой. У входа в парк стоял ларек с пирожками. Детей нигде не было.

Вова побежал на турники, предварительно оповестив маму, что с этого дня будет регулярно заниматься. Не так давно на физкультуре Вова увидел, как старшеклассник показывал на турнике всякие трюки и твердо решил научиться так же.

– Только не шею себе не сверни! – крикнула мама и углу-

билась в чтение книги.

Вова поплевал на ладони и запрыгнул на турник. Как он ни старался, повторить приемы, которые демонстрировал старшеклассник, ничего не получалось. Тогда он попытался подтянуться. Это у него тоже получилось плохо, но спустя некоторое количество времени он все-таки подтянулся несколько раз. Мальчик был страшно горд, но немного проголодался.

Вова вспомнил про ларек с пирожками. Он подошел к матери, сидевшей на скамейке, и попросил денег на пирожок. Данная просьба была встречена с энтузиазмом.

– Во, пойдём-ка купим парочку, я как раз тоже проголодалась.

Мать и сын подошли к ларьку с пирожками. Седоволосая румяная продавщица приветливо кивнула им и спросила:

– Что вам подать, хорошие мои?

– Два с человечинкой, пожалуйста, – ответила мать и положила деньги в стеклянное блюдечко. Продавщица сгребла мелочь и улыбнулась матери.

– Как раз свеженькие привезли полчаса назад. Теплые еще, берите.

Продавщица достала два мягких, румяных пирожка, завернутых в промасленную бумагу и отдала Вове и его маме. В воздухе заструился аромат свежей выпечки.

– Мам, а из кого эти пирожки делают? – спросил Вова, когда они отошли от ларька.

– Из мальчиков, которые родителей своих не слушаются, – ответила мама, с аппетитом жуя пирожок – посмотри во-о-он туда, видишь прямоугольное здание с закопченной трубой? Это пирожковая №1.

– Что-то я больше не голоден, – сказал мальчик, скривив нос. После слов матери он выбросил остаток своего пирожка в траву. Его доел пробежавший мимо серый пудель.

* * *

С той прогулки в парке прошла неделя. Злополучная пирожковая не выходила у Вовы из головы. К тому же, ее отлично было видно из окна Вовиной комнаты. Раньше он даже не задавался вопросом, что находится в этом мрачном здании, но теперь он не мог забыть эту страшную правду. Мальчик завел привычку каждый день наблюдать за пирожковой № 1 в свой маленький детский бинокль.

Как правило, на территории пирожковой ничего не происходило. Только из черной трубы валил сизый дымок. Казалось, что кто-то топит печь. Но сегодня был особый день.

Вова увидел, как к зданию подъехал белый грузовичок с большой красной надписью «МЯСО» во весь бок. Два мужика в ватниках и с папиросами во рту открыли грузовику ворота, а потом принялись его разгружать. Они доставали из машины большие мешки из грубого материала, хватали их за края и уносили в дом. Некоторые мешки были неподвиж-

ны, а некоторые шевелились и бились.

– Завтра суббота, а это значит, что в парке снова появятся свежие пирожки, – промелькнуло в голове у Вовы, и эта мысль заставила его поежиться.

* * *

– Несносный мальчишка! Посмотри, что ты наделал! Эту вазу нам с твоим отцом на свадьбу подарили!

Вова грустно глядел на осколки вазы и на мать, державшую в руке футбольный мяч. Мать яростно взирала на нанесенные разрушения и на виновника происшествия.

– Сколько раз я тебя просила не играть в доме в мяч! Ну-ка марш в угол!

– Мам, ну прости меня! Я так больше не буду!

– Ну, теперь-то уж точно не будешь. И людям заодно пользу принесешь.

* * *

Вове было страшно.

Вместо уютной и теплой постели он проснулся в зашитом мешке. Голова гудела. Сначала он чувствовал движение, чувствовал, как обернутое мешком тело соприкасалось с другими такими же мешками. Один из мешков довольно-таки

чувствительно пинался, другой всхлипывал. Потом машина, в которой их везли, затормозила, раздался скрип открываемых дверей, и кто-то грубо потянул мешок наружу.

– Вот же тяжелый, зараза, – раздался хриплый голос.

– И не говори. Вот б... – ругнулся второй голос.

Мешок разорвался и Вова выпал. Мальчик бросил взгляд на многоэтажку, в которой он жил, и увидел, как задернулись шторы в его комнате. Вова их сразу узнал. Они были ярко-желтые, мама выбрала их в текстильном магазине, и Вова ей помогал. Мальчик стал отползать назад. Один из грузчиков ударил его дубинкой.

– Не уйдешь, гаденыш, не лишишь народ еды!

Грузчики затащили бесчувственное тело Вовы внутрь пи-рожковой № 1 и закрыли за собой двери. Вскоре из закопченной трубы закурчавился веселый сизый дымок.

Мимоза

Место сражения было окутано предзакатным маревом. Воздух дрожал и плавился от высокой температуры. Павшие в битве лежали там и сям, приняв неестественные позы и высунув языки. Вражеские солдаты блуждали среди тел и добивали тех, кто, как им казалось, еще шевелился. Они не знали, что в одном из поверженных тел все еще теплится искра жизни.

– «Бежать и прятаться. Бежать и прятаться. Только бы не догнажи», – лихорадочно думал командор Андрей. Он лежал в траве, подогнув правую ногу, и пытался притвориться мертвым. Веки дрожали, пульс гулко отдавался в голове. С каждой секундой шуршание вражых шагов слышалось всё отчетливей.

«Сейчас...сейчас...Пора!», – Андрей вскочил и резво побежал в сторону густых кустов сирени. Он надеялся затеряться в них, отвлечь внимание вражеских сил и добраться до старого грушевого дерева. Если он успеет на него взобраться, то там уже никакой враг Андрея не достанет.

Краем глаза командор успел заметить, что один из противников в черном плаще бросился за ним. Но к счастью, вражеский солдат был меньше ростом, и ему недоставало прыти. Он спотыкался о корни, торчащие из земли, а его форма явно была ему великовата. Плащ волочился за солда-

том, как шлейф за невестой. Тем временем, второй враг бежал за подмогой, громко трубя в дудку.

Андрею повезло: неопытность соперника позволила ему оторваться. В ту минуту, когда его противник приблизился к сиреневым кустам, Андрей уже достиг дерева. Победа досталась ему дорогой ценой: доблестный командор изорвал свою форму о ветки, а на его руках красовались свежие царапины.

– «Ничего, шрамы украшают мужчину», – подумал Андрей. Он уже сидел верхом на толстом грушевом суку, триумфально свесив ноги. Для полного счастья оставалось только набить карманы грушами.

Тем временем, дерево стали окружать враги. Их было четверо, все они были одеты в черные плащи и держали в руках оружие.

– Сдавайтесь, командор, Вы окружены! Весь ваш отряд пал! – торжественно произнес вражеский капитан.

– Ха! Как бы ни так! – произнес командор и задулил грушевым огрызком прямо в пухлый капитановский лоб.

– Ты за это ответишь! – крикнул капитан, наливаясь краской, – стрясти его!

В ту же минуту враги начали трясти дерево, а сам командующий стал бросаться в Андрея грушами, подобранными с земли.

– Кто тебя просил бросаться, а? И вообще, ты нечестно играешь! Я сам видел, как Сережка тебя рубанул и ты упал.

– Нет, не видел! Рана была не смертельная! – И в капитана

полетел второй огрызок.

Тут случилось то, от чего доблестный командор сам чуть было не рухнул с дерева в руки врагов. Над полем брани раздался крик:

– Андрюша, домой! Домой, я сказала! Куда это ты залез, паршивец?! Сейчас ремня получишь!

Мать Андрея была строга, но справедлива. Лазать по деревьям, а тем более бросаться в людей огрызками строго воспрещалось. Сейчас командор предпочел бы застенки врагов мамашиному ремню.

Крик был настолько силен, что обладал воскрешающим эффектом. Погибшие во время битвы повскакивали с земли и разбежались кто куда, в надежде, что крик Андреевой матери не призовет их собственных матерей: лежать на земле воспрещалось всем.

Поверженный командор прыгнул с дерева и отправился домой, провожаемый взглядами ехидных соперников.

– «Ничего-ничего, попляшут они у меня завтра», – думал Андрей, но его планам не суждено было сбыться – строгая мать дала ему три дня домашнего ареста.

* * *

– А куда это, Антоша, ты выглядываешь?

Худой бледный мальчик, обернулся на зов и съежился. В дверях комнаты стояла пухлая женщина в блеклом халате и

переднике.

– Ты же знаешь, как легко тебя может продуть! На улице такой сквозняк! Сейчас же закрой окно и иди есть.

– Хорошо, мама, как скажешь, – мальчик опустил глаза. Если бы его мать знала, что еще пару минут назад он высывался в открытое окно чуть ли не по пояс, наблюдая за игрой во дворе, то её бы удар хватил. Антон закрыл створку окна, проводив взглядом последние лучи солнца, и уныло поплелся на кухню.

– Что-то ты, сынок, грустный какой-то. Нездоровится? Головка не кружится? – заворковала женщина, ставя перед мальчиком тарелку рассольника и блюдо с горстью таблеток.

– Для чего все эти таблетки, мама? У меня же ничего не болит, – спросил мальчик, грустно опустив глаза.

– Для профилактики, сынок. Будешь их пить, ничего и не заболит.

– Мам, а можно мне завтра на улицу? – робко спросил Антон.

Услышав сею дерзкую просьбу, мать вмиг изменилась в лице. Из участливой и заботливой женщины она превратилась во встревоженную курицу-наседку.

– На у-у-улицу? Это что же ты на улице то забыл? Разве тебе дома плохо? – нахмурила брови она.

– Да нет, мам, хорошо мне дома, но я бы с ребятами поиграть хотел. Пальцы Антона неловко перебирали скатерть.

Он знал, что мать будет не в восторге от его слов.

– Ты помнишь, как твой последний выход на улицу закончился? – серьезно спросила женщина.

Мальчик нахмурился: вот он выходит во двор. На улице цветет апрель. Во дворе гоняет мяч растрепанная детвора, во главе с Андрюшей Ростовым, с которым Антон всегда хотел подружиться. Все дети одеты в легкие цветные ветровки, но мать Антона, включив свой самый железный аргумент («Продует же!») нарядила сына в желтую пушистую шубу, непонятно из каких женских закромов выуженную. От стыда его бросает в жар. Как по команде все дети бросают свою игру и смотрят на Антона, как на диковинное чудище.

И в этот момент мальчик услышал одно единственное слово, шепот, донесенный до него легким весенним ветром: «Мимоза». Маленький, щуплый, окутанный желтым коконом, он и вправду походил на мимозину.

Дети смеются, Антон проваливается от стыда. Но тут происходит чудо. Андрюша Ростов говорит: «Мимоза, давай с нами в футбик. Нам как раз одного не хватает. Вставай на ворота, твоя шуба как раз кстати придется».

Мальчику тогда показалось, что его разыгрывают: он и представить себе не мог, что его так сразу примут в игру. Антон занял предложенное ему место и игра началась.

Андрей Ростов знал, что Антон-Мимоза был неплохим парнем. Когда-то давно они учились вместе в начальной школе, но потом Антона перевели на домашнее обучение из-

за частых болезней или из-за ипохондрии его матери. С тех пор Антон появлялся на улице крайне редко и под неусыпным контролем мамы-наседки. Не повезло, с кем не бывает.

Тем временем, мать Антона слегка ослабила свою хватку и села смотреть ток-шоу. Она велела сыну сидеть на лавочке и заниматься воздушной гимнастикой, как советовал телевизионный доктор. Женщина догадывалась, что вдыхание городской пыли не приведет ни к чему хорошему, но теле-доктор сказал, что от постоянного сидения дома может развиться астма.

Не отрывая глаз от экрана, женщина-мать подошла к окну и обомлела: ее чадо играло в футбол с грязной детворой. Шуба распахнута, щеки покраснелись, а глаза горели. Все признаки выдавали начинающееся заболевание. Издав крик раненной орлицы, женщина опрометью бросилась во двор.

Увлеченный Антон заметил приближающуюся мать слишком поздно. Растолкав других детей, она подбежала, схватила сына за руку и унеслась прочь. Антон, чувствовал себя безвольной ватной куклой, привязанной к борту тихоокеанского лайнера. Последним, что он услышал, было «Сиди лучше дома, Мимоза. Твой день 8-е марта».

– Бронхит ты тогда подхватил! Продуло тебя! – мать вернула задумавшегося сына к реальности, – Не пушу никуда!

Вопреки ожиданиям женщины, ее сын больше не сказал ни слова. Он отвернулся и понуро поплелся в свою комнату.

Женщина почувствовала легкое чувство вины, но отмахнулась от него, подумав, что все это исключительно ради блага ребенка.

* * *

– Антоша, деточка, покушай супчику, прошу тебя.

– Нет, мам, я не голоден.

Антон уже две недели практически не выходил из комнаты, мало ел и отказывался принимать таблетки. Он сказал матери, что все равно от этих таблеток нет толку, так как он все равно сидит дома и заразиться ему негде.

Мальчик целыми днями лежал на диване, читал книги и мечтал о подвигах. Изредка он выглядывал в окно и наблюдал за сражениями, разворачивающимися во дворе. Антон представлял себя среди доблестных вояк, несущимся вдаль и размахивающим шашкой. Он даже мог предложить ребятам новые сюжеты для игр. Можно было бы притвориться пиратами, сделать плот. Благо, водоем во дворе тоже присутствовал – большая лужа, которая всегда появлялась во дворе весной и засыхала ближе к августу. Но мальчик прогнал из головы все мысли о пиратах – об этом нельзя было и мечтать.

– Хорошо, Антон. Завтра ты можешь пойти на улицу.

Мать выглядывала из-за косяка, как провинившаяся школьница. В кое-то веки она подумала, что делает что-то неправильно. В конце концов, долгое сидение дома без све-

жего воздуха ведет к неврозам. Женщина долго обдумывала, что же все-таки хуже – невроз или бронхит – и пришла к выводу, что второе хотя бы легче вылечить.

Антон не могу поверить в произошедшее только что чудо. Завтра он будет гулять с Андреем и остальными ребятами! Конечно, это было уже слишком, но мальчик решил попытаться счастья во второй раз.

– Я сам выберу, что надеть.

* * *

Наступило долгожданное завтра. Антон проснулся, позавтракал, послушно выпил все предложенные матерью таблетки и выслушал наставления: не возись в грязи, не хлюздайся в воде, не бегай быстро и много еще других «не». Мальчик с нетерпением ждал звуков, означающих начало очередной игры в войнушку. И вот, наконец, дождался их. Антон начал переминаться с ноги на ногу и бросать на мать жалобные взгляды. Та вздохнула и горестно дала отмашку, добавив напоследок «Не снимай панамку, по телевизору сообщили, что сегодня самый жаркий день лета».

* * *

Действительно, сегодня было очень жарко. С учетом то-

го, что самые знойные летние часы уже миновали, было так жарко, как бывает в самый разгар обыкновенного июльского дня.

Во двор потянулись мамочки с маленькими детьми. Они сели на лавочку под раскидистым деревом, синхронно достали телефоны и уставились в них, изредка перебрасываясь словами. Малыши тем временем, возились в песке, отбирали друг у друга игрушки и общались между собой на своем детском языке. Периодически какая-нибудь мама вспоминала, зачем она здесь и раздавался ленивый крик «Саша, а нунка не лазь» или «Оля, брось эту бяку».

Ребятам постарше было наплевать на жару. Разве что сегодня они для разнообразия решили сыграть в индейцев. Индейцев, останавливающих любое сражение ради совместного набега на магазин с мороженым.

За сотню метров от дома находилась большая вонючая помойка. Люди со всех окрестных домов оставляли продукты своей жизнедеятельности именно там. Надо отметить не совсем добросовестную работу городских служб, отвечающих за вывоз отходов. Контейнеры были уже давно переполнены и утопали в мусоре со всех сторон. Люди, отваживающиеся на вынос помойного ведра, были вынуждены зажимать рот и нос и справляться со своими делами максимально быстро. Все это так же способствовало всеобщему хаосу.

Именно здесь и жил пес Шарик. Это было большое животное, удивительно неорганично сочетающее в себе признаки

нескольких пород. Когда-то у него даже были хозяева, но потом они умерли и Шарик одичал. Для старого шелудивого пса окружающая обстановка была оазисом. Много съедобной дряни, люди близко и в то же время далеко – что еще необходимо для счастья? Помойка привлекала всех окружающих бездомных псов, но только Шарик жил там постоянно и поэтому считался вожаком. Вид и запах он имел соответствующий. Все дети знали, что от этого кудлатого блоховоза можно подхватить любую заразу, поэтому бросали все свои дела и разбегались кто куда.

Сегодняшний день был для Шарика особенным. Несколько дней назад он сразился с безымянной дворнягой за территорию. Из драки Шарик вышел победителем, но теперь его тело украшали царапины, привлёкшие мух. Из-за жары помойка совсем «дошла», ее запах стал невыносим даже для постоянного обитателя. Жужжащие и жалящие насекомые доняли старого пса, запах помоев усугубил ситуацию и Шарик сбрендил. Он поднял голову и протяжно взвыл. Окрестные дворняги стали понемногу подтягиваться на зов. Они привыкли, что люди сами приносят им пищу, но раз вожак зовет на охоту, то необходимо подчиниться. Шарик встал, взглянул на мир мутными, слезящимися глазами и побежал вперед. Стая бросилась за ним.

Сеня Пирожков любил познавать мир. Пока его мать смотрела в телефон, любопытный трехлетка успел обследовать песочницу и все прилегающие территории. Попробовал на вкус окурки, оставленные нерадивой шпаной, и подумал, что это бяка. Потянулся рукой к блестящей на солнце жестянке, но вдруг заметил нечто. Это была красивая-красивая бабочка. С сиреневыми глазками на оранжево-черных крапчатых крыльях. Сеня таких бабочек еще никогда не видел. До этого ему встречались только беленькие капустницы, да невзрачные моли, жившие на полке с зимней одеждой. Естественно, такую красоту нельзя было упустить. Малыш поднялся и нетвердо поковылял за бабочкой, которая упорно не желала быть раздавленной в руках любознательного, но немного неуклюжего ребенка.

Погоня за прекрасным привела Сеню на тротуар. Он повернул голову и сразу же забыл о бабочке. Малыш заметил нечто более интересное.

– Сабаськи, – пролепетал Сеня.

На перерез ребенку неслась одурманенная запахом помойки стая псов во главе с Шариком.

Юные индейцы, завидев стаю издали, взобрались на ветки груши. Мамаша Сени была слишком далеко. Околдованная духотой и смартфоном она только-только начала сообра-

жать, что происходит. Еще мгновение – и ее зрачки расширятся и волоски на руках встанут дыбом, но сейчас она доживала последние моменты неведения. Другие мамы были не в лучшем состоянии, но несомненным плюсом было то, что их дети были не такие любознательные, как Сеня. Ребенка не увидел никто, кроме Антона-Мимозы, выходявшего из подъезда на свою долгожданную прогулку. Даже не успев подумать, мальчик рванулся вперед, сбил малыша с ног и накрыл собой. Оцарапанный асфальтом, Сеня ревел от боли и страха, пока тело его спасителя трепали разъяренные псы.

Шарик был впереди их всех. Он лежал на Антоне и пытался достать до его горла. Но жертва, казавшаяся маленькой и слабой, неожиданно оказала сопротивление. Своей трепыхающейся агонизирующей рукой мальчик случайно выбил глаз нападающему. Шарик заскулил, недоуменно замотал мордой и, скуля, бросился прочь. Если добыча пришлась не по зубам вожаку, то и остальным нечего с ней тягаться – остальные псы, прижав уши, бросились вслед за показавшим слабину вожаком, чтобы потом добить его и наконец-то завладеть его территорией.

Время во дворе застыло. Индейцы, парализованные ужасом, сидели на ветвях, как воробьи. Мать Сени, бегущая и спотыкающаяся на пути к своему пострадавшему сыну, казалась медленнее улитки, ползущей по раскаленному песку. Остальные мамы ограждали своих малолетних детей от душевных травм, зажимая им глаза и уши, не в силах сдвинуть-

ся с места и пропустить дальнейшее развитие событий. Одна из них уже набирала номер скорой помощи. Мать Антона, вышедшая на балкон проконтролировать прогулку сына, схватилась за сердце.

Антон лежал на земле и хрипел. Он был еще жив. Окровавленная панама, которая должна была сберечь Мимозу от невзгод самого жаркого летнего дня, лежала в отдалении. Прибывшие на скорой врачи втоптали ее в грязь, погружая тела Антона и его матери, получившей сердечный приступ. Сеня Пирожков отделался испугом, а его мать получила порцию валерьянки.

* * *

Антон проснулся от долгого сна. В палате было светло, окно было распахнуто. Мальчик ощутил на лице дуновение ветерка и попытался улыбнуться. Лицо болело. Краем глаза он заметил у своей кровати какие-то блестящие предметы. Присмотревшись, Антон заметил книги, сладости, игрушки и открытки. Мальчик очень удивился и попытался вспомнить произошедшее. Получалось плохо.

В палату вошла медсестра, держа в руках бинты и марлевые повязки.

– Наш герой наконец-то проснулся! Лежи, не двигайся, волноваться вредно. Сейчас я перевяжу твои раны, а потом позову доктора.

Антон не захотел лежать без движения и вместо этого вывалил на медсестру все вопросы, скопившиеся у него за несколько последних минут без сна.

– Что со мной произошло? Почему я в больнице? Где моя мама? Долго я спал? Почему лицо так болит?

– Малыш, ты совершил настоящий подвиг. Ты спас ребенка от стаи собак, накрыл его своим телом. Пострадал сам, но тот мальчик остался цел и невредим. Все эти подарки от его родителей, а также от твоих маленьких друзей со двора. Ты спал полтора месяца, в школе уже начались занятия, но ты еще сможешь все наверстать. Твоя мама здесь же, в этой больнице. Ей нездоровилось, но сейчас она идет на поправку. Если повезет, выпишем вас в один день.

Друзья? Сердце Антона забилось быстрее.

– Я боюсь, что после всего случившегося меня мама теперь вообще никогда на улицу не выпустит, – прошептал Антон, опустив глаза.

Медсестра удивленно подняла бровь.

– Я думаю, мы сможем убедить ее. Героев и так слишком мало, для того чтобы их наказывать и не выпускать на улицу. Посиди пока здесь, малыш. Я приведу доктора.

Антон не мог поверить в сказанные слова. Он знал, что будет очень сложно уговорить мать, но сейчас он гнал прочь эти мысли. В открытое окно ворвался поток свежего воздуха, прогнав негативный настрой и обострив чувства. Это был ветер грядущих побед и новых геройских свершений.